

Выступление народа в Законодательном собрании 10 августа 1792 г. с требованием провозглашения республики. Гравюра А. Жирарде. Конец 1790-х

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

УДК (316.4:321)(047.53)

Неизбежность революций, величие империй, ничтожность элит...

Интервью главного редактора журнала «Пространство и Время» О.Н. Тыняновой с президентом Института Ближнего Востока Евгением Яновичем Сатановским

Тынянова О.Н.: Словосочетание «осень 17-го» порождает сегодня целый ряд ассоциаций и вопросов.

Сатановский Е.Я.: Ну, февраль-то прошел без особых проблем.

Т.: У нас без особых проблем прошел и 14-й год...

С.: Скажем так, без прямых военных действий, хотя санкции мы получили именно в 14-м.

Т.: Но по сравнению с событиями столетней давности мы отделались очень легко, будем надеяться, что и октябрь 2017-го пройдет примерно так же. Но вопросы все равно возникают. Прежде всего: возможны ли в принципе сегодня события, которые также изменили бы облик мира, как его поменял Великий Октябрь или – до того – Великая Французская революция?

С.: Они неизбежны, нет ничего статичного в этом мире. Мы не знаем, что это будет, мы не понимаем, когда и как это будет, но история человечества показывает, что все меняется, статичного не бывает никогда и нигде. Немногие примеры государств, проживших тысячелетнюю историю, – типа того же Китая, – показывают, что все всегда разваливается и собирается, завоевывается и ассимилирует завоевателей – или разбрызгивается под их ударами до капельного состояния и собирается потом, как ртуть. С чего бы ради история вдруг прекратила свое движение?

Т.: Можно ли говорить о каком-то уроке этих двух революций – Великой французской и Великой Октябрьской? Я понимаю, что история никого ничему не учит, но все-таки.

С.: Говорить можно. Но никто из неё не извлекает никаких уроков, во-первых, а во-вторых, любая революция – это результат деятельности элиты и высшего начальства страны. Когда они настолько недееспособны, не понимают, что происходит, не способны примирить население с собой, то оному населению в какой-то момент становится избыточно скучно с такими начальниками, и эти начальники довольно быстро из охранителей земли Русской превращаются в расстрельную фигуру в Ипатьевском доме, или, как это было у французов, идут на гильотину, как до этого Карл I пошел у англичан под топор на плаху – методы ликвидации руководства в разных странах бывают разными. В Китае восстания периодически сносят империи, и династии меняются – другое дело, что все возникает вновь.

Сейчас у нас контрреволюция. Была революция 17-го года, а нынче – контрреволюция, в рамках которой восстанавливается империя номер три. Первая была империя Романовых, вторая – Сталина, третья – Владимира Владимировича. Сколько она просуществует, сказать трудно, как правило, здесь все нелинейно. Романовы триста лет отметили, Советский Союз не успел отметить и ста, да и 75 лет толком не успел отметить, а сколько наша система проживет – при том, что она явно нацелена в первую очередь на переваривание всех ресурсов страны, неважно каких, и на их употребление начальством всех степеней, видов, разновидностей и ведомственной принадлежности в рамках откочки того, чего не надо переварить здесь и сейчас, за границу, – тут мне сказать трудно.

Следующий период, когда у нас будут, скорее всего, перспективы распада страны, – это тридцатые годы, когда Владимир Владимирович не только покинет пост Президента по естественным медико-биологическим причинам, но и перестанет быть тем Дэн Сяопином, которым, видимо, будет после того, как уйдет в отставку, обозначив престолонаследника, в максимальной степени подконтрольного и не способного на резкие телодвижения. Однако в этом мире нет бессмертных людей, и в этом плане у нас нет никаких шансов на то, что лидер системы вечен. А коль скоро он не вечен, то и система его летит под откос. Ну что из того, что существовали Рюриковичи до Ивана Грозного и наследство их в почти неизменном виде осталось при Борисе Годунове... Всё равно пошло на слом...

Так что в тридцатые годы у нас будет очередная попытка реализации парада суверенитетов субъектов Российской Федерации – а там поглядим...

Т.: Можем ли мы в этой ситуации говорить о принципиальной возможности повышения ответственности элит? Или она так и будет «ахиллесовой головой»?

С.: Повышение ответственности элиты невозможно, коль скоро у нее нет ответственности, и повышать ей нечего, а те люди, которые называют себя элитой, никакой ответственностью не обладают. Вы можете повысить ответственность Шойгу? Так она у него и без того достаточная. Вам совершенно бесполезно повышать ответственность огромного большинства всех остальных высоких начальников, когда на наших глазах делят и пият, дербанят и бесхитростно воруют – и при этом страшно обижаются, когда им на это указывают. Нечего там повышать.

Какая же это элита?! Это в лучшем случае придворные, и часть этих придворных вообще происходит из ОПГ [организованных преступных групп – *Ред.*] разного типа и стиля, часть – из разных силовых ведомств, и далеко не обязательно, что это лучшие из лучших и способные на что бы то ни было и чем-то и кем-то управлять. Часть – это кооператив «Озеро», часть – это питерская мэрия. Ну хорошо, вы можете повысить ответственность Грефа, но как вы повысите ответственность Фурсенко, в значительной мере ответственного за реформы образования, после которых никакого образования, паче же и науки в России, видимо, не останется надолго? Ничего здесь изменить уже нельзя, с моей точки зрения, Рубикон уже перейден. Или десятилетия нужны даже при благоприятном развитии событий, а его не будет, чтобы дойти до состояния, которое у нас было лет этак 15 назад.

Ну что поделать. Утопить младенца легко. Оживить его трудно, но можно, когда у вас есть рядом реанимационный автомобиль и вы вовремя его выловили – счет времени идет на минуты... А когда счет времени идет на полтора десятилетия... Ну, вы можете зомбировать этого покойника, конечно, и вполне возможно, он, наверное, даже руками и ногами будет двигать под воздействием каких-нибудь методов. Но жив ли он? Сомневаюсь. Так что ни о какой ответственности элиты речь здесь не идет. Власть это осознает, и с этим осознанием ей приходится существовать. Оно, конечно, грустно. Но кто обещал, что будет легко?

Т.: Значит, основная задача той самой элиты – просуществовать безбедно и не допустить следующую революцию при своей жизни?

С.: Нет, разумеется, ни о какой революции люди эти не думают, задачи у них такой нет, и способности осознать шансы на то, что они вылетят вперед собственного визга, развалив все, что можно

до того, как вылетят, тоже нет. Они искренне не понимают, что они не нужны никому ни внутри страны, ни за рубежом. И в ту секунду, как базиса под ними нет, надстройка тоже повалится. Этого трезвого понимания ситуации никогда ни у кого не было, а если бы было, то не было бы революций, бунтов, «арабской весны» и много чего другого.

Что возможно? Ну что-нибудь сохранить... Развалилась Империя, но в Ирландии сидят монахи и какие-то никому из торжествующих на её развалинах варваров не нужные книги на пергаменте пишут, украшая их дивными миниатюрами. Потом выясняется, что они сохранили в Европе грамотность. Всё впало в полное одичание, а они на своём никому из тогдашних «авторитетных бизнесменов» и «эффективных менеджеров» не нужном зелёном острове что-то сохранили, далеко-далеко от прежних центров цивилизации.

Люди, которые хотели бы что-нибудь сохранить от России – или от Советского Союза в рамках всего, что мы наблюдаем вокруг, могут пытаться это сохранять, и у кого-то что-то получится. Я, скажем, действую в этом режиме без малейшей надежды на всё хорошее и уже даже, пожалуй, на хоть что-то хорошее. Ну что теперь поделать – хотелось как лучше, получится как всегда.

Т.: Ставка делается, понятно, на инновации, вернее на то, как этот концепт преподносят нам: дескать, очередная инновация – и всем будет хорошо, и все мы будем счастливы.

С.: Вы знаете, сколько ни украшай дубину фламандскими кружевами, она будет дубиной, завернутой в кружева. Из неё не получится ни шевалье д'Артаньяна, ни даже Портоса. Поэтому... ну модное слово, люди не знают такое слово – новшество изобретения, они знают слово инновация, они плохо знают английский, но употребляют различные модные слова, особенно ежели их часто употребляют. Они пытаются списывать: «двоечники» берут на работу «троечников», «троечники» привыкли заглядывать в конец учебника и списывать там ответ, и, заглядывая в конец западного учебника, они списывают там ответы к западным темам, пытаются бессмысленно и беспощадно пересадить их на отечественную почву. Почву той страны, в которой живут, не понимая её. И не поймут никогда из-за отсутствия мозгов в голове, которая не нацелена на возможность осознать что бы то ни было сложнее первичных инстинктов и способна только на не очень разумную болтовню. Попугай, скажем, может говорить, и некоторые из них говорят весьма разумные вещи. Но попугай не создаст вам ракету, не изобретет вам паровоз, не построит завод. Когда гляжу я на наших чиновников – это же попугай, прости Господи, ну разве они люди? Они человекообразные попугай, они говорят чего-то там такое, часто повторяя за начальством, или для этого начальства пишут какие-то там концепты.

О каких инновациях идет речь? Сколько вы ни приделывайте к телеге движок от мерседеса, движок от мерседеса ее только развалит, вряд ли телега выдержит такую скорость. У нас продолжается распил, развал, раздел и приватизация в стиле, названная народом не без яда «прихватизацией» Советского Союза, а также употребление во всех мыслимых формах того, что осталось «до того» от старых времён. И если у вас есть Пулковская обсерватория, пережившая и гражданскую войну и фашистов – не случайно был Пулковский оборонный рубеж – она будет уничтожена как действующая обсерватория строящимся по соседству комплексом «Планетоград» (удивительно циничное название).

Потому что стоит недалеко от города, потому что приятны глазу остатки природы вокруг и вот весь этот трёхкилометровый защитный пояс, который и при Сталине был защитным поясом, и при Петре, и звёзды можно было наблюдать, будет застроен каким-то крупным строителем в Питере и его хозяевами... Многоточие ставим по поводу того кто эти хозяева, вполне фамилии тут директоров-застройщиков известны. Сделают квартиры, а обсерватория перестанет работать, и в мире останется последняя обсерватория высокоточных наблюдений – морская в Соединённых Штатах. Когда-то, в XVIII веке помимо Пулково существовал ещё Гринвич в Лондоне и Парижская обсерватория, но там давно всё застроено, осталось Пулково и американцы. Все застроено будет сейчас и у нас. Но прогресс ли это? Ну да, люди денег получили. А так у них денег было бы меньше. А что обсерватории не будет... Да и черт с ней, говорит директор обсерватории (!), под эту аферу и посаженный на своё место. Отличается ли чем-то это от 90-х годов? Ничем. Разве что масштабами варварства и подведением под него законодательной базы.

Является ли инновацией черно-белый планшет Анатолия Борисовича Чубайса, вывезенный из азиатских стран и показанный Владимиру Владимировичу? Он является наглой до глупости и глупой до наглости картинкой, объясняющей наивным журналистам, на что ушли деньги Роснано, и не более того. Поэтому то, что у нас называется нано-технологиями, в том же Израиле – не человек 800 в дорогом здании с бешеными зарплатами, а два человека в министерстве главного учёного, секретарша на полставки этим занимается, и всё остальное – это фирмы и структуры, которые производят готовый продукт и этот готовый продукт продают. Но что у нас, кроме лаборатории Касперского и

какого-нибудь несчастного Яндекса, из близкого к этой сфере существует? Даже не смешно. И все работы по реальному соотношению дел у нас и японцев, американцев, китайцев, израильтян показывают, что наша песенка спета. Да, у нас остались осколки старых школ и осколки оборонки. Ну, может быть, если под Шойгу отдать технические вузы, что часть его команды просит – не допросится, то исходя из того, что армии нужна продукция, оборонная промышленность что-то ещё может произвести, так что-то ещё и останется. Но будет ли это? Глубоко сомневаюсь.

Т.: Тогда, видимо, империя будет существовать – также как и экономика – исключительно как пропагандистское нечто. Потому что в Новое и Новейшее время империя без имперской промышленности уже, наверное, не никогда не сможет существовать.

С.: Империя не может существовать вечно? Отнюдь. Школьный учебник 5-го класса, распад Римской империи II–V века нашей эры. Кто вам сказал, что империя не может существовать бесконечно? Византийская империя теряла остатки старых технологий – тот же самый греческий огонь, – теряла территорию, теряла, теряла, теряла, пока от нее не остался огрызок столицы, после чего столица была взята, и задумчивые турки гордо говорят иногда: «Ну, это мы на самом деле Византийская империя, то есть практически Рим». Нет, империя может существовать как угодно долго.

Империя китайская досуществовала почти до раздела на составные части. Может ли она потом воскреснуть? Ну, может. Обычно безумной ценой, ценой кровавой, жестокой с миллионами и десятками миллионов жертв, с диктатурой того или иного типа, с варварами, которые её займут, или варварами, которые в ней растворятся. Уж как это было при монголах, Минская империя была, с одной стороны, частью Монголии – Великой Монголии, – а, с другой стороны, она была частью Китая. Не всего Китая, Китай раскололся, но вот уже при Марко Поло там всё было опять чрезвычайно развито. Хотя, в принципе, пороховые ракеты, касетные арбалеты и компасы, да и многое другое было у них и во времена Александра Македонского. И, не дай – для него – Бог, его фаланга дошла бы до Китая, куда он так стремился, от него бы осталось мокрое место, и всё это исчезло бы в веках гораздо раньше, – но она не дошла.

Империя распадается и иногда собирается обратно. Вовсе не всегда. В ничтожестве на протяжении чрезвычайно длительного времени существовали Индия и Персия, Турция и Япония, Китай – все старые добрые империи. Кто сказал, что мы должны быть исключением? Хотелось бы – но ведь не получается; могло бы – но не получается... А на растаскивании на строительный камень ненужных варварам римских цирков империю не сохранишь. Ну, конечно, очень забавно смотреть в Лукке, как бывший местный амфитеатр застроен жильём – разделили ложи на жилые сектора, – и в середине в виде ярмарочной площади овальная арена осталась... И чем в принципе сегодняшний Питер отличается от Лукки V, VI, VII веков нашей эры? Да ничем.

Какие-то вещи делаются разумные, какие-то вещи делаются безмерно глупые. Деньги уходят такие, на которые Канаду можно здесь отстроить, не говоря уже о стране менее масштабной. А результат? Результат таков, как есть, ровно потому, что начальство для этого всё делает. Оно для этого вымывает из страны деньги сотнями миллиардов, переходящими в ещё большие суммы, в американские ценные бумаги или на личные счета – да куда угодно. У нас около триллиона рублей собственность населения в оффшорах. Почему? Да чтоб хоть что-то осталось у конкретных людей, когда всё рухнет. Вот тогда, когда вся эта как бы элита, понимая, что она живёт в стране, которая сейчас рухнет, и часть ведёт себя, запасаясь в спасательных шлюпках и отгоняя их раз за разом на ближайшие островки.

А часть этой элиты и вовсе ведёт себя, как оккупанты. Ну вот представьте себе, что у вас гауляйтор, а не мэр одной столицы или губернатор другой. И ведёт он себя по-гауляйторски, его даже и понять можно. На что и нацелены были и реформа образования, и реформа медицины и, в той же Москве, реновации, а также закрытие улиц плиткой до полного исчезновения проезжей части и всё остальное. Деньги прокачиваются – гигантские деньги – без малейшей результативности для страны и для конкретного субъекта федерации или города, но с большой прибылью для тех, кто организует эти потоки, на которые, собственно говоря, люди, называющие себя элитой, сели. И это и была их цель.

Т.: Что, собственно, и означает слово «элита» нынче...

С.: Если это элита, то я, видимо, балерина, танцующая «Лебединое озеро». А я на балерину не похож.

Т.: Ожидать ли в этой ситуации того, что называется «русский бунт», или в нынешней ситуации народ так сильно устал, как в свое время «устал караул»?

С.: Всё, время ушло: старая мы страна. Не будет у нас бунта. Незачем. Уехать можно. Умные люди оставили для населения возможность эмигрировать. Не было бы этой возможности для наиболее пассионарной части общества – вспоминая Гумилёва, – так, может, и разнесло бы. А так-то зачем? Можете уехать. Хотите – в Прагу, хотите – в Штаты, хотите – в Израиль или Германию. Да хо-

тите – куда угодно. Вот на Украину некоторые поехали, хотя там всё гораздо грустнее и гораздо быстрее развалится. А кроме того, опыт был. Почему Советский Союз распался с такой малой кровью, ничтожной относительно Гражданской войны? Опыт. Опыт страшный, не забывшийся ещё.

То есть понятно, что ничего с этими людьми, которые «там, наверху» нельзя сделать – только убить. И в XIX веке, а также в начале XX их и убивали. Интеллигенты, разночинцы, недовольные всем тем, что и сегодня вполне релевантно. И что? Система изменилась? Ну, сбросили царя, и все были счастливы. А потом что? Новые управленцы были умнее прежних? Керенский был мудрее Медведева? Да как-то нет. И результат – жуткая, кровавая баня, разрушение всего и вся. А так тихо загниваешь, хотя бы глотку не режут, внуки уцелеют. Поэтому никакого «бессмысленного русского бунта» я не жду, если не начнут уж совсем хамить, детей убивать или жильё отбирать в большом количестве.

Вот если реновация Сергея Семёновича Собянина приведёт к тому, что огромное количество людей потеряют своё жильё и ни черта не приобретут, в отличие от того, что им рассказывают, и не похоже всё это будет на город-сад, который возникнет в будущем, или на Марс, на котором будут яблони цвести... Тут возможно многое и неожиданное, особенно если в рамках подавления попыток жалоб, написанных в стиле «что же вы делаете?», начнутся силовые репрессии, не адекватные ничему. Человек, доведённый до отчаяния, слеп, жесток – и русский, и нерусский, и какой угодно.

Но... просторы огромны, такая большая страна – потому что веками человек, доведённый до крайности, мог плюнуть в сторону начальства и уйти. К Тихому океану, на юг, на Кавказ, неважно куда. Уйти. Подальше от начальства. Потом начальство доползло до тех мест, где он был, – и вот мы уже от Чукотки до Амура и от Кавказа до Мурманской области. Нормально. Большая у нас страна. Людей сравнительно мало с такой площадью, места много, климат нормальный, пусть бананы не растут, но картошка точно произрастает, прокормиться можно. Воды опять же очень много с нашими реками; хоть даже и начнут спекулировать Байкалом или сибирскими реками, всё равно от жажды в целом страна не помрёт, хотя отдельно взятые регионы – конечно.

Может ли случиться фактор личности в истории, и придёт кто-то и исправит это до нормального состояния? Может, и может. Но это вопрос не в мою зарплату, поскольку, как говорила моя мама, я не хиромант, не багдадский вор, по руке не гадаю и мысли читать не могу. В будущее тоже не заглядываю.

Т.: Можем ли мы в такой ситуации говорить о сохранении страны, или только о сохранении этнонима?

С.: Мы можем говорить о чём угодно. Вопрос ведь в том, что делать будем? Кто-то пытается сохранить музеи – именно в качестве музея, а не в качестве объектов для разграбления, перепродажи. Вон Пиотровский бьётся за свой Эрмитаж, потому что понятно, что следующий удар будет нанесён той же церковью, а точнее, церковным руководством, после Исаакиевского собора, который ценный актив – и они его выбили, – ну, скажем, по гробнице Александра Невского, хранящейся в Эрмитаже.

Вон какие-то люди сохраняют какие-то научные школы либо даже что-то новое изобретают, а дальше совершенно неважно, останется это изобретение здесь или уйдёт, в том числе с их выпускниками и аспирантами за рубеж, потому что есть круговорот знаний в природе и, в конце концов, Маймонида из Испании выбили злые берберские фанатики. Ну так он добежал, уцелел, к счастью для него, до Египта, и у аль-Адида, и у Салах-ад-Дина вполне себе дожил до старости и умер своей смертью, оставив ценнейшее наследие. И такого довольно много.

Вот, какая никакая, но церковь плюс арабы сохранили Аристотеля. Почему именно Аристотеля? Бог весть, ну, может быть из-за века Александра Македонского, великого владыки, остался он в памяти всех со своей философией и со своими штудиями в качестве человека, который не обязательно подлежит уничтожению. И так далее, и так далее, и так далее...

Конечно, остаются осколки, и это очень жалко. Но... занялся Сергей Борисович Иванов леопардами дальневосточными – было 30 штук, теперь 78. Ну, занялся Путин амурскими тиграми – чёрт его знает, почему занялся, – было 300 штук, сейчас 500. Но никто не занимается нерпами на Байкале и уж, тем более, двумястами нерпами на Ингерманландских островах и в Кургальском заказнике. И если Газпром протянет свою трубу через этот Кургальский заказник, то последний кусок девственной природы Балтийского моря из-за экономии на четырёх километрах трубы из 2500 километров маршрута сдох. А вот на Сахалине серыми китами удалось заняться – и вот тебе уже 200 китов. Опять же, скандал был бы куда больше, кит больше нерпы, и видимо, уцелеет: они [Газпром] умудрились даже обогнуть места кормления детёнышей, и это воистину удивительно.

Крым – наш. Замечательно. Не успели разграбить его на Украине – ощущение, что теперь его разграбят российские администрации. Но удалось чудовищными усилиями, включая доведение ситуации до первых лиц страны, остановить превращение тысячелетнего реликтового можжевелевого

леса в дачные участки. Ещё при украинских властях выдали на это 24 разрешения. Издали мы с Соловьёвым на радио вопль по поводу того, что вы нам с Владимиром Святым картинку рисуете, а дерево, которое его видело и которому 1000 лет, сейчас вырубят, а другого такого в мире нет. Я представляю себе, что в американских заповедниках, например, в Монтерее с лесом прибрежных секвой или в Йосемитском национальном парке с горными секвойями кто-то начнёт рубить эти секвойи под дачный участок. Сколько времени пройдёт, пока этого человека посадят или застрелят? Немного. Страна-то простая, простодушная.

Но удалось вроде бы спасти – пока – от уничтожения губернатором и его командой лучшего в Европе и самого крупного с точки зрения коллекции хищников сафари-парка «Тайган» – единственного в России, где есть и белые львы из ЮАР, и белые тигры, и половина популяции амурских тигров страны там живёт и успешно размножается, и многое другое. Не любят у нас начальники успешный частный бизнес. В Америке или Европе на руках бы носили. А у нас начали кроить – не докроили, удалось приостановить. Благо один из главных персонажей этой игры, экс-прокурор Поклонская, теперь, слава тебе Господи, занимается покойным императором Николаем II и несчастной Матильдой Кшесинской (видимо, дико к ней ревнуя).

Мы живём в реальном мире, поэтому нормальные люди хотят, чтобы вокруг было нормально, а ненормальные люди портят всем окружающим жизнь и уничтожают всё, что им лично доходов не приносит. Все же остальные – им либо безразлично, либо они пытаются что-нибудь сделать, чтобы этих бандитов разных видов и пород остановить.

Это вопрос биологии – типаж тех, кого называют элитой. Есть вполне себе аллегория, она, как все аллегии, условна, но... И крыса – грызун, и бобр – грызун. Бобр туповат, строит свою хатку, свою плотину, запасает продукт, отбивается от врагов и, в общем, ему особо ничего и не надо. Крыса – животное более умное, тоже коллективное, с жёсткой иерархией, живёт, в отличие от бобра, не в определённом биоценозе водном, а где угодно. Крысы пластичны, и после ядерной катастрофы, когда нас не будет, природа именно ими нас заменит в качестве существ с претензиями на разум на планете. Благо, помимо коллективизма и мозгов есть у крысы ещё и хватательные конечности-лапки, и ест она что угодно, то есть вполне подходит.

Но крыса не занимается развитием сыроваренной промышленности, выпасанием стад и селекцией молочной коровы, она просто жрёт сыр и часто в нём живет. Это – ее функция. Она не есть создатель, по крайней мере, пока. Может быть, через несколько миллионов лет из неё чего-нибудь и получится – наши предки тоже были не менее гадкими. Но пока что это так. И типаж людей, которые я наблюдаю среди чиновников... Ну, конечно, «бобры» есть, но их мало. Какой-нибудь Шойгу в Географическом обществе, и куда он ни сядет – всё у него по уму получается. При этом никто не говорит, что он должен быть схимником, нищим, святым или подвижником, он нормальный человек, но при этом – результат-то он дает. А огромное число представителей «элиты» – это «крысы».

Провернуть хитро-вымудренный проект, чтобы показать, что они не просто денег хотят украсть, а всё для людей, для людей – это святое. Так всё у нас с советской власти было для людей. Говорите, они не слишком умны? Чубайс, что ли, глуп? Да нет, упаси господь! Козак глуп? Умнейший человек. Непонятно только, чего ж он так амнистию пробивал земельно-лесную, с такой скоростью, перед тем, как на каникулы думцы ушли? Зачем? Для какой конкретно авторитетной группировки или группировок? Для дачников? Ну, это даже не смешно. Так что посмотрим, что будет. Может, всё будет совсем грустно, может, не так грустно. Наполовину. Видишь, идёт лавина – отойди и убери домашних – спасёшься. Вон Набоков эмигрировал, бабочками занялся – вполне преуспел. И великий энтомолог, и писатель мирового класса, а отдельно взятые в стране остались, и смолело их в лагерную пыль.

А сохранится ли страна... Тут, повторю, все зависит от фигуры обозначенного начальством престолонаследника. Я бы сказал так: если это Дмитрий Анатольевич, шансов у нас нет, если это Сергей Кужугетович, шанс есть однозначно, а если Сергей Семёнович – пятьдесят на пятьдесят.

Т.: Большое спасибо, Евгений Янович!

С.: Большое пожалуйста. Извиняйте, ежели чего не так сказал. Возраст, раздражение накопившееся... Да и устал я от политесов.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Неизбежность революций, величие империй, ничтожность элит... Интервью главного редактора журнала «Пространство и Время» с президентом Института Ближнего Востока Евгением Яновичем Сатановским / Е.Я. Сатановский, О.Н. Тынянова // Пространство и Время. — 2017. — № 2-3-4(28-29-30). — С. 15—20. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271provr_st2_3_4-28_29_30.2017.11.